

П. УИНЧ О РЕЛИГИОЗНОМ ИЗМЕРЕНИИ ФИЛОСОФИИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Ю. С. Федотов

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 12 марта 2020 г.

Аннотация: в статье представлен анализ заключительной части работы П. Уинча «Обсуждение эссе Малкольма». В ней британский философ дает свое обоснование факту наличия религиозного аспекта в философии Людвиг Витгенштейна. В исследовании особое внимание уделяется осмыслению высказываний Витгенштейна с позиции обнаружения в них духовной составляющей. Автор обращает внимание на необходимость выявления роли религиозности Л. Витгенштейна в формировании его философского мировоззрения.

Ключевые слова: Л. Витгенштейн, аналогии Н. Малкольма, религиозность, философия религии, П. Уинч.

Abstract: the article analyzes the final part of P. Winch's «Discussion of Malcolm's Essay», where the British philosopher substantiates the presence of a religious aspect in the philosophy of Ludwig Wittgenstein. The study focuses on understanding Wittgenstein's statements from the perspective of revealing their spiritual component. The author pays attention to identifying the role of L. Wittgenstein's religiosity in the formation of his philosophical worldview.

Key words: L. Wittgenstein, N. Malcolm's analogies, religiosity, philosophy of religion, P. Winch.

В 1993 г. британский философ Питер Уинч опубликовал книгу под заголовком «Витгенштейн: религиозная точка зрения?». Так называлась последняя работа известного американского философа, друга и ученика Людвиг Витгенштейна Нормана Малкольма. Лейтмотивом эссе стало осмысление обескуражившей Малкольма фразы, оброненной австрийским философом в беседе с другим своим учеником Морисом Друри: «Я не религиозный человек, но я не могу не видеть каждую проблему с религиозной точки зрения» [1, p. 79].

Малкольм знал своего наставника как человека высоконравственного и духовно одаренного [2]. Возникшее замешательство стало угрозой для понимания учеником философской мысли учителя [3, p. 1]. В результате, Малкольм провел собственное расследование и вывел четыре аналогии, где обнаружил точки соприкосновения стиля философствования Витгенштейна с некоторыми особенностями религиозного мышления [4].

Именно эти аналогии и стали мишенями для критики со стороны П. Уинча. Готовя посмертную публикацию философской работы своего друга и коллеги, Уинч, по просьбе издателя, написал для нее предисловие и, будучи заинтересованным темой, дополнил книгу собственным

сочинением [5]. Именно «Обсуждение эссе Малкольма» стало той частью издания, где критик расписал свое видение проблемы.

Оспаривая факт существования *аналогий*, выявленных Малкольмом, Уинч, тем не менее, соглашается со своим оппонентом в главном: философия Людвиг Витгенштейна несет в себе религиозное измерение. Что привело британского философа к подобным выводам? Отправной точкой его размышлений стало письмо Витгенштейна к М. Друри. Наш перевод этого письма выглядит следующим образом:

«Дорогой Друри,

Я много думал о нашей воскресной беседе и хотел бы сказать, вернее, не сказать, а написать несколько слов об этом разговоре. В основном я полагаю так: не думайте о себе, а думайте о других, например, о своих пациентах. Вчера в парке вы сказали, что, возможно, совершили ошибку, взявшись за медицину: вы тут же добавили, что, вероятно, вообще неправильно так думать. Я уверен, что это так. Но не потому, что, будучи врачом, вы не можете пойти по неправильному пути или пойти к собакам, а потому, что если вы это сделаете, это не имеет ничего общего с ошибкой в выборе профессии. Для чего человеку считать правильным то, что таковым не является? Вы не совершали ошибки, потому что в то время вы ничего не знали или не могли знать о том, чего упустили из виду. Только это можно было бы назвать совершением ошибки: и даже если бы вы сделали ошибку в этом смысле, теперь это должно было бы рассматриваться как данность, как и все другие обстоятельства внутри и снаружи, которые вы не можете изменить (контролировать). Главное сейчас – жить в том мире, в котором вы находитесь, а не думать или мечтать о том мире, в котором вы хотели бы быть. Посмотрите на страдания людей, физические и душевные, они у вас под рукой, и это должно быть хорошим лекарством от ваших неприятностей. Другой способ – отдыхать всякий раз, когда вы должны собраться с собой. (Не со мной, потому что я бы не дал вам покоя.) Что касается религиозных мыслей, то я не думаю, что тяга к спокойствию религиозна: я думаю, что религиозный человек рассматривает безмятежность или покой как дар с небес, а не как то, за чем следует охотиться. Присмотритесь к своим пациентам повнимательнее, как к человеческим существам, попавшим в беду, и больше наслаждайтесь возможностью сказать “спокойной ночи” стольким людям. Одно это – дар с небес, которому могли бы позавидовать многие. И такого рода вещи должны исцелить вашу измученную душу, я полагаю. Это не успокоит, но когда вы здорово устали, вы можете просто отдохнуть. Я думаю, что в определенном смысле вы недостаточно внимательно смотрите на лица людей.

В беседах со мной не столько старайтесь вести разговоры, которые, по вашему мнению, будут хороши на вкус (хотя в любом случае вы никогда этого не получите), но стремитесь к таким, которые будут иметь самое приятное послевкусие. Крайне важно, чтобы нам не пришлось однажды сказать себе, что мы зря потратили время, которое нам было позволено провести вместе.

Я желаю вам хороших мыслей, но в основном хороших чувств» [1, р. 95–96].

П. Уинч призывает читателя обратить внимание на детали письма. Но прежде мы обратим внимание на детали вообще. Уинч делает акцент на том, что Витгенштейн придавал значение любым, как может показаться, мелочам в своих текстах. Неспроста эпитафией к своей книге он собирался взять четверостишие Г. Логфелло: «В искусстве давних времен зодчие с величайшим тщанием трудились над каждой, даже невидимой деталью, ибо боги вездесущи» [6, с. 444]. Правда, эти строчки стали эпитафией к «Обсуждению эссе Малкольма». Далее еще одна деталь. Заголовок последнего раздела «Обсуждения» Уинч выудил из письма молодого Витгенштейна своему научному руководителю Б. Расселу: «Как я могу быть логиком прежде, чем стану человеком?» [5, р. 124]. В немецком оригинале и в переводе Мак-Гиннеса, которым и пользуется Уинч, вместо вопросительного знака стоит восклицательный [7, р. 190–91]. Возможно, автор считал нужным углубить смысл фразы за счет вопрошания и в ущерб эмоциональности. Он, видимо, решил таким образом показать, что намерен дать ответ по поводу этической, духовной основы философии Витгенштейна.

Теперь вернемся к письму. Что в нем увидел П. Уинч? Во-первых, оно адресовано человеку с развитым интеллектом, верующему и имеющему философскую подготовку. Проявляя заботу о духовном благополучии своего друга, Витгенштейн с философских позиций дает обоснование *безданности* терзаний Друри по поводу выбора профессии. Он не мог *ошибиться*, поскольку не располагал в достаточной мере информацией о предмете выбора. В любом случае, обретение своего профессионального статуса молодой врач должен воспринимать «как данность», т. е., используя терминологию «Трактата», мы бы сказали – как факт. В то же время смысл этого факта лежит за пределами мира.

Витгенштейн оперирует религиозными терминами: «безмятежность, покой»; «дар с небес»; «позволено проводить вместе». Хотя Уинч обращает внимание, что автор письма, которое «наполнено религиозной чувствительностью», вместе с тем «говорит, как бы, как аутсайдер по отношению к религиозной вере...» [5, р. 126]. Язык послания, по мнению Уинча, «балансирует на краю религиозного». Витгенштейн призывает Друри смириться с логикой происходящего, нести свой крест дальше и находить в том положительные моменты.

Уинч считает, что успех такой *терапии* заключается в четком понимании «духовной важности философской ясности» в отношении переживаемой проблемы. Ко всему этому здесь налицо пример отношения к проблеме (ею может быть и философская) «с религиозной точки зрения». Само письмо, таким образом, способно послужить образцом стиля написания Витгенштейном своих произведений, где, порой, не так заметно, но всё же переплетаются интеллектуальное и духовное.

Иногда Уинч видит в некоторых произведениях ту же страсть, что и в письме. Он использует слово «страсть» в этом контексте, чтобы увязать

его определенным образом «с некоторыми замечаниями, которые можно найти в “Культуре и ценности”, противопоставляющими религию и “мудрость”» [ibid.]. Далее отрывки:

«Мне думается, что христианство говорит помимо прочего о том, что все хорошие учения ни к чему не пригодны. Люди должны изменить *жизнь*. ...А тот, кто изменился в корне, наверняка таким и *остается*. Мудрость бесстрашна. Тогда как веру Кьеркегор, напротив, называет *страстью*» [6, с. 460].

«Мудрость – нечто холодное и с этой точки зрения глупое. (Вера же – это страсть.)» [там же, с. 463].

В мудрости нет страсти. Уинч уверен, что Витгенштейн не отождествляет мудрость с философией. Это другое, это – «попытки суммировать смысл религии в философских или теологических доктринах» [5, р. 128]. В философии, как ее практиковал Витгенштейн, страсть присутствует. И всё же, она не идет ни в какое сравнение с религиозной страстью, коренным образом преображающей жизнь человека. Так, как Витгенштейн пишет о религии, он никогда не писал в философских работах:

«Никакой сигнал бедствия не может быть большим, чем крик *одного* человека. Или же *никакая* беда не может быть большей, чем беда отдельного человека. Итак, один человек может терпеть бесконечные бедствия и нуждаться в бесконечной помощи. Христианская религия существует лишь для того, кто нуждается в бесконечной помощи, и, значит, лишь для того, кто испытывает бесконечные бедствия. Весь земной шар не может быть в большей беде, чем *одна* душа. Христианская вера – как я ее понимаю – прибежище в *высочайшей* беде» [6, с. 453–454].

Для философии Уинч приберег другую цитату: «Мой идеал – определенная сдержанность. Храм, служащий пристанищем для страстей, но не участвующий в них» [там же, с. 414]. По его мнению, она наиболее подходит для «Философских исследований» Витгенштейна.

Упоминание в отрывке Кьеркегора Уинч считает неслучайным. Оба философа, по его мнению, находят «философскую ясность» не способной «хоть на йоту приблизить человека к религиозной вере». Он убежден, что «метод написания философии» у австрийского мыслителя был выработан под влиянием концепции философии Кьеркегора. Разница в том, что у последнего проблема обсуждается в отдельных «псевдонимных» произведениях, а у Витгенштейна – коллегиально, когда «конфликтующие голоса соединяются в одной беседе» [5, р. 129]. Правда, в таком случае нам становится не совсем понятным заявление Витгенштейна по поводу того, что все его записи – «это почти всегда монолог, обращенный к самому себе» [6, с. 483]. Можно, конечно, предположить поочередное вживание философа в роли дискутирующих лиц. Это уже детали.

Главное, Уинч по тональности спорящих голосов определяет, насколько важны для «спикеров» защищаемые ими позиции. Будто Витгенштейн подчеркивает особую значимость поиска истины для дискутирующих – значимость, выходящую за границы поля философии. Обсуждаемые вопросы важны для каждого «оратора», поскольку «отсутствие ясности

в них может иметь серьезные последствия для его собственного отношения к жизни» [5, р. 130]. Возможно, поэтому у Витгенштейна «философия лечит вопрос: как болезнь» [8, с. 174]. «Лечит», сострадая? Уинч приводит знаковый пример из «Культуры и ценности»:

«А что собой представляет дискуссионный вопрос: *тело* ли испытывает боль? – Как его следует решать? Что побуждает считать, что боль испытывает *не* тело? – Ну, примерно вот что: когда кто-то чувствует боль в руке, *рука* не говорит об этом (если она только этого не пишет), и сочувствие выражают не руке, а страдающему человеку; ему смотрят в глаза» [там же, с. 181].

Последняя фраза стала для Уинча ключевой в понимании главной детали письма Витгенштейна к Друри. Предложение: «Я думаю, что в определенном смысле вы недостаточно внимательно смотрите на лица людей» – сразу заняло центральное место в духовном совете австрийского философа своему младшему другу. Для Уинча «также достаточно ясно это духовное измерение просматривается и в *Философских исследованиях*» [5, р. 130–131]. Подход идентичен: выражая сочувствие, страдалицу «смотрят в глаза»; для врачевания философии невозможно ограничиться одним интеллектом.

Уинч настойчиво обращает наше внимание на то, что характер написания философских текстов у Витгенштейна тесно связан с личностью философа. На это указывает и сам мастер. В разговоре с Друри, цитируемом Уинчем, Витгенштейн считает необходимым отразить в эпитафии к своей книге факт того, что она унаследовала все пороки автора. Со слов Витгенштейна: «Он [автор] не может сделать ее свободной от этих примесей более, чем себя самого» [ibid., р. 131]. Уинч не уверен в универсальности такой внутренней связи для философии вообще, но у австрийского мыслителя эта связь присутствует явно. Более того, автор «Обсуждения» утверждает, «что для Витгенштейна философское письмо было особым случаем» [ibid.]. Это своего рода искусство, которое сродни поэзии, музыке, зодчеству. Особо близка Витгенштейну тема архитектуры. Уинч вновь приводит примеры из «Культуры и ценности»:

«Работа в философии – как во многом и в архитектуре – это в значительной мере работа над самим собой» [6, с. 427].

«Вспомни о том, что хорошая архитектура создает впечатление воплощенной мысли. У тебя возникает желание ответить на это жестом» [там же, с. 432].

Мы напомним, что для Витгенштейна «философию, по сути, можно лишь *творить*» [там же, с. 434]. Уинч в своих выводах идет еще дальше: «Более того, его философская работа была для него одним из самых важных выражений его жизни (сценой, так сказать, для некоторых из его самых важных “жестов”). Поэтому следует ожидать, что в этой работе должно быть религиозное измерение» [5, р. 132].

Казалось бы, какая польза от выявления наличия или отсутствия религиозного аспекта в философии Витгенштейна? Но ведь философия играет существенную роль в формировании мировоззрения, что, в свою

очередь, влияет на культурную, экономическую и политическую жизнь общества. Авторитет Витгенштейна-философа слишком велик, чтобы не учитывать влияние его мысли на такие важные области знания, как философия религии, теология, наука. Наука в том числе. Например, было бы интересно с точки зрения философии Витгенштейна исследовать некоторые понятия. До сих пор в религиоведении ведутся споры по поводу так называемого методологического атеизма [9]. В терминах Витгенштейна, метод предполагает искусственное отделение научного исследования фактов мира от их смыслов, размещенных вне фактуального пространства. Не приведет ли методологическое отрицание Бога к методологическому отрицанию этических норм в науке (если таковые там имеются)? Ответ на вопрос может стоить человечеству выживания.

Литература

1. *Drury M.* Some notes on conversations with Wittgenstein / M. Drury // *Recollections of Wittgenstein* / ed. by R. Rhees. – Oxford ; N. Y. : Oxford University Press, 1984. – P. 76–96.
2. *Федотов Ю. С.* Религиозный аспект личности Людвиг Витгенштейна / Ю. С. Федотов, Е. Ю. Талалаева // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Философия.* – 2019. – № 1. – С. 90–94.
3. *Malcolm N.* Wittgenstein : a Religious Point of View? / N. Malcolm. – London : Routledge, 1993. – 140 p.
4. *Федотов Ю. С.* О религиозности Л. Витгенштейна : аналогии Н. Малкольма / Ю. С. Федотов, Е. Ю. Талалаева // *Аспирантский вестник Поволжья.* – 2018. – № 7–8. – С. 12–18.
5. *Winch P.* Discussion of Malcolm's essay / P. Winch // *Malcolm N. Wittgenstein : a Religious Point of View?* – London : Routledge, 1993. – P. 95–135.
6. *Витгенштейн Л.* Культура и ценность / Л. Витгенштейн // *Людвиг Витгенштейн. Философские работы* / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. I. – С. 406–492.
7. *Rhees R.* Postscript / R. Rhees // *Recollections of Wittgenstein* / ed. by R. Rhees. – Oxford : Oxford University Press, 1984. – P. 172–210.
8. *Витгенштейн Л.* Философские исследования / Л. Витгенштейн // *Людвиг Витгенштейн. Философские работы*, 1994. – Ч. I. – С. 74–319.
9. *Бубнов Е. С.* Что такое методологический атеизм? / Е. С. Бубнов // *Религиоведческие исследования.* – 2016. – № 14. – С. 125–150.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

*Федотов Ю. С., аспирант кафедры философии и методологии науки
E-mail: fedotov.yur@mail.ru*

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

*Fedotov Yu. S., Post-graduate Student of the Philosophy and Methodology of Science Department
E-mail: fedotov.yur@mail.ru*